

Дмитриева Ю.Л.,

канд. филол. наук, доц. кафедры  
общего языкознания и славянских языков  
Государственного образовательного  
учреждения высшего профессионального  
образования «Горловский институт  
иностраных языков», г. Горловка

## ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЛОКАТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ С. ГОРОДЕЦКОГО

В статье рассматривается одна из базовых категорий текста – локативность. Дается определение данной категории, приводятся типологии художественного пространства. Автором описываются лексические средства объективации рассматриваемой категории в поэтических текстах С. Городецкого. Кроме того, в статье акцентируется внимание на связь анализируемой категории с пространственным кодом культуры.

*Ключевые слова:* код культуры, локативность, текстовое пространство, вербальный знак, культурные оппозиции.

The article deals with one of the basic categories of text – locativity. The definition of this category is given, and the typologies of artistic space are given. The author describes lexical means of objectification of the category in question in some poetic texts by S. Gorodetsky. In addition, the article focuses on the relationship of the analyzed category with the spatial code of culture.

*Key words:* culture code, locativity, text space, verbal sign, cultural oppositions.

Локативность является объектом исследовательского интереса философов, физиков, культурологов, литературоведов, лингвистов и др. Это обусловлено универсальностью рассматриваемого феномена: окружающее воспринимается человеком сквозь призму базовых пространственных параметров, которые позволяют выделять хорошо знакомое пространство и неосвоенный мир. Например, за лексемой *двор* в языковом опыте этноса закреплено значение

«внутренний участок земли, расположенный между домовыми постройками» [5]. Сема «внутренний участок земли» квалифицируется нами как указание на хорошо освоенное, безопасное пространство. Однако в русской лингвокультуре двор рассматривается и как зона опасного. Ср.: «Вместе с тем, двор примыкает к чужому, внешнему миру, а потому может быть опасным для домочадцев, особенно в определённое время суток и некоторые календарные периоды и дни» [7, с. 31].

В лингвистике анализируемая единица метаязыка употребляются для номинирования как грамматической (см. работы В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, В. Н. Ярцевой, Е. В. Падучевой и др.), так и текстовых (см. исследования Н. С. Болотовой, Н. С. Валгиной, Н. А. Николиной, Л. Н. Федосеевой и др.), а также понятийной (см. труды А. В. Бондарко, Н. Н. Болдырева и т.д.) категорий. Однако в рамках лингвистики текста нет единой точки зрения как на определение терминосочетания *текстовая категория*, так и на трактование рассматриваемой категории, что обуславливает актуальность нашего исследования.

Целью работы является описание лексических средств вербализации категории локативности в произведениях С. Городецкого.

В исследованиях, посвящённых рассматриваемой проблеме, для обозначения анализируемой категории использует также терминосочетание *категория пространства*. Однако оно соотносится с падежной системой (в частности с предложным падежом). В терминологических лингвистических словарях знак *локативность* не зафиксирован. Это подтверждается поисковым запросом по словарям, расположенным на сайте <https://dic.academic.ru>: лексема *локативность* в словарях сайта не найдена.

Рассматриваемый термин используется в работах по стилистике и лингвистике текста для обозначения одной из базовых текстовых категорий. Н. С. Болотнова, Н. С. Валгина, Н. А. Николина, И. Р. Гальперин и др. указывают на её тесную связь с категорией темпоральности. Человек не только членит окружающий мир, но и измеряет его во временных единицах. Эта связь

зафиксирована, в частности, в представлении о смене времён года: каждая пора имеет свои репрезентанты в окружающем индивида пространстве (осень характеризуется сменой цвета лиственного покрова растений, проведением значительного времени в конкретном пространстве, например, в поле, и т.д.).

Вслед за Н. А. Николиной и Л. Н. Федосеевой под локативностью понимаем «пространственную организацию событий, неразрывно связанную с временной организацией произведения и системой пространственных образов текста» [6, с. 102]. Локативность квалифицируют как отражательную категорию: автор при моделировании мира произведения переносит в него хорошо известные параметры описания пространства. Так, образ мира в произведениях С. Городецкого, объединённых названием «Осенний вихрь», моделируется с использованием реальных параметров: небо и особенности его цвета, леса, цветовой спектр лиственного покрова и т.д.

Учёные выделяют объективное и субъективное, концептуальное и художественное пространство. Н. С. Болотнова приводит несколько типологий текстового пространства, разработанных исследователями. В их числе типология И. Я. Чернухиной, которая выделяет конкретное, трансформированное, абстрактное и обобщённое пространство [1, с. 179]. Так, конкретное пространство квалифицируется исследователем как отражение в произведении реального физического пространства. При определении пространства как трансформированного указывается на замену образа реального мира ирреальным. Ср.: *Под вечер жизни, в час унылый, / На **небо** взглянешь впопыхах / И видишь **остров** сизокрылый / На алых, медленных **волнах*** [3]. В строках из произведения «Под вечер жизни, в час унылый...» образ онтологического мира, объективированный лексемами *небо, остров*, замещается ирреальным видением мира, в котором в небе оказывается остров, омываемый волнами. Также исследователь выделяет абстрактное (представление автора о протяжённости, направленности, локализации и т.п.) и обобщённое (воспроизведение пространственной детали, ключевой для всего произведения) пространство. Например, слово *даль* в строках *Склонив лицо, закат сияет, / И мёртвой зыбью*

*даль рябит* [3] указывает на абстрактную локативность, поскольку функционирует в русской лингвокультуре для обозначения «отдалённого, далеко расположенного места» [5].

Н. А. Николина дифференцирует локативность на пространство автора и персонажа, открытое и закрытое, расширяющееся и сужающееся, конкретное и абстрактное, реально видимое и воображаемое [6, с. 103–104]. Так, в произведении «Поздняя осень» описано завершение этого времени года. Всё стихотворение можно разделить на несколько пространственных зон: персонажа, реально видимая и воображаемая. Ср.: *Он упал. И я злораден, / И топчу его красу. / Вихрь осенний! Мне отраден / Дым в обугленном лесу...* [3]; *Да на сердце в самой дали / От метаний огневых / Боль стихающей печали / Тлеет в радостных живых* [3]; *Да на ветках почернелых / Леса темного остов / Теплит искорки несмелых / Догорающих листов* [3].

Пространство персонажа объективировано личным местоимением *я*, а также глагольными формами *топтать*, *злорадный*, *отрадный*. Реально видимый локус вербализован в тексте именами существительными *лес*, *остов*, *ветка*, *лист*. Наконец, слова *сердце*, *боль*, *печаль* эксплицируют представление о воображаемом пространстве.

Отметим, что категория локативности тесно связана с пространственным кодом культуры, поскольку авторами текстов пространство организуется в опоре на существующие культурные оппозиции «верх – низ», «право – лево», «север – юг», «запад – восток», «вперед – назад» и т.п. Ср.: *Как взлетают эти листья / К небесам пустым; / Как себя роняют листья / Вихрем золотым, – / Так стихи к тебе взлетают / Из моей глуши...* [3]; *Стрелы, сыплемые вихрем, / В небе светятся – не мне; / Листья, сорванные вихрем, / Вихрем падают ко мне* [3]; *Выше, выше, выше в синь, / В синеву своих пустынь!* [3]; *Мимо. Вдаль* [3]; *Только ветер тихокрылый / Вихри малые с земли / Подымает* [3]. В глаголах *взлетать*, *подымать* и *ронять*, *падать* объективировано направление движения «вверх» и «вниз». Ср.: «Взлетать – с силой, стремительно лететь вверх» [5]; «Подымать – придавать чему-либо более высокое положение» [5]; «Ронять – давать упасть» [5];

«Падать – перемещаться, лететь сверху вниз под действием собственной тяжести» [5]. Направление движения эксплицировано и словами *мимо*, т.е. «не останавливаясь, не задерживаясь» [5], и *вдаль*, т.е. «на далекое расстояние, далеко вперед, в отдалённое место» [5], а также формой сравнительной степени *выше*. Однако категория локативности в данных примерах объективирована и предложно-падежными конструкциями *к небесам, в небе, из глуши*. Они называют как место действия, так и репрезентируют культурную оппозицию «свой – чужой». Так, как «своя» идентифицируется лирическим героем глушь (использование падежной формы местоимения *моей*), а как «чужое», недостижимое, воспринимается пространство небес. Отметим, что на это указывает и использование формы множественного числа *небеса*, функционирующей также для указания на «пространство или – по религиозным представлениям – место пребывания Бога» [5].

С. Городецкий вводит в произведения имя собственное *Смугляна*, которое мы квалифицируем как маркер «чужого». Сам автор отмечает, что *Смугляна* является дочерью фольклорной девы Зари: *Вот летит душа Смугляны, / Дочь последняя Зари* [3]. Считалось, что Заря была одновременно и богиней утренней зари, и богиней-громовницей. Кроме того, она считается женой Хорса. Однако в фольклорных текстах не зафиксировано ни одного упоминания о её дочерях. Зато у Зари была сестра – Заря Вечерняя, которая провожала солнце на покой по вечерам [8, с. 230].

На принадлежность *Смугляны* к миру «чужого» указывает также употребление онима с лексемой *лик*, обозначающей «изображение лица святого» [5], и его описание. Ср.: *И Смугляны между терний / Лик скорбящий созерцал* [3]; *Лик Смугляны – это женский, / Это вечный женский лик, / В ком сокрыт огонь вселенский* [3]; *Лик Смугляны, лик Смугляны / Затемнит свои черты; / Закатится за туманы / Поднебесной высоты* [3]. Выделенные в примерах лексемы актуализируют представление о возвышенном, неземном, сладовательно, относимом к зоне «чужого».

Кроме того, локативность объективируется и с помощью имён существительных со значением «места». В предложении *Ты прошла по этим странам, / Ты зажгла мои леса; / Ты окутала туманом / Золотые небеса* [3] локативами выступают лексемы *страны, леса, небеса*, которые также эксплицируют представление литературного героя о культурном членении пространства на «своё» и «чужое». Однако если в славянской лингвокультуре лексема *лес* вербализует представление о зоне «чужого» (о чем мы говорили, см. [4]), то в произведении наоборот: местоимение *мой* указывает на отнесение пространства к «своему» для лирического героя, а форма *эти* выражает представление о «чужом». Лес воспринимается главным героем цикла как нечто близкое, родное. Это то пространство, которое позволяет достичь желанной воли. Ср.: *Вот порыв – и я на воле, / На сырой земле лежу. / Мчится вихрь в осеннем поле. / Вижу. Сердца не бужу. / Листья грудь мне осыпают...* [3]. Отметим, что за словом *воля* в языковом опыте этноса закреплено несколько значений: это и «свобода, независимость» [5], и «простор, раздолье» [5]. Соответственно, локативы *на земле, в поле* эксплицируют представление как о свободе, так и о ничем неограниченном пространстве.

Следовательно, категория локативности рассматривается исследователями как одна из базовых текстовых категорий. Существует несколько типологий локативности. В произведениях С. Городецкого рассматриваемая категория объективируется именами существительными со значением места, именами собственными *Смуляна* и *Заря*, а также финитными глагольными формами. Однако приведённое описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
3. Городецкий С.М. Осенний вихрь // Избранные сочинения. Т. 1. Стихотворения [Электронный ресурс] / С.М. Городецкий. – М. :

- Художественная литература, 1987. – Режим доступа : <https://profilib.org/chtenie/26359/sergey-gorodetskiy-izbrannye-proizvedeniya-tom-1-lib-29.php> (дата обращения: 20.01.2020).
4. Дмитриева Ю. Л. Средства объективации черты «свой – чужой» в стихотворении «Смеретушка» С. Городецкого / Ю.Л. Дмитриева // Донецкие чтения 2018 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Мат-лы III Междунар. науч. конф. (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 4 : Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 21 – 23.
  5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа : <https://www.efremova.info> (дата обращения: 20.01.2020).
  6. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
  7. Славянские древности : этнолингвистический словарь. В 5 т. Том 2 / Под ред. Н. И. Толстого. – Институт славяноведения РАН, 1995. – 680 с.
  8. Словарь славянской мифологии / авт.-сост. В. В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 2008. – 639 с.
  9. Федосеева Л. Н. Локативность как одна из важнейших категорий русской лингвокультуры / Л. Н. Федосеева // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 43 – 51.